

ԵԶՆԻԿ ԿՈՒԽԲԱՑԻ
(V դար)

ԵՂԾ
ԱՂԱՆԴՈՅ

(ՃԱՆՔ ԸՆԴՈՒՄ ԱՂԱՆԴՈՅ)

Թարգմանությունը գրադարձից տալերեն,
առաջադարձը և ծանոթագրությունները

Ս. Ս. ԱՐԵՎՇԱԿՅԱՆԻ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ԵԶՆԻԿ ԿՈՒԽԲԱՑԻ
(V век)

ՕՍՐՈՎԵՐՋԵՆԻԵ
ԼՋԵՍՉԵՆԻԻ

(ՐԵՇԻ ՍՐՈՏԻՎ ԵՐԵՏԵԻ)

Перевод с древнеармянского,
вступительная статья и комментариев

Տ. Տ. ԱՐԵՎՇԱԿՅԱՆԱ

ԵՐԵՎԱՆ
«ՈՒՐԻՍ»
2008

ԵԶՆԻԿ ԿՈՒԴԲԱՅԻ
(V դար)

ԵՂԾ
ԱՂԱՆԴՈՅ

(ԾԱՌԶ ԸՆԴԴԵՄ ԱՂԱՆԴՈՅ)

Թարգմանությունը գրադարից ընտերեն,
աշխարհանը և ծանոթագրությունները

Ս. Ս. ԱՐԵՎՇԱՏՅԱՆԻ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ԵԶՆԻԿ ԿՈՒԴԲԱՅԻ
(V век)

ОПРОВЕРЖЕНИЕ
ЛЖЕУЧЕНИЙ

(РЕЧИ ПРОТИВ ЕРЕСЕЙ)

Перевод с древнеармянского,
вступительная статья и комментарий

С. С. АРЕВШАТЯНА

ЕРЕВАН
“ՈՒԿՐԻ”
2008

Редакционная коллегия серии

«Памятники древнеармянской литературы»
С.С. АРЕВШАТЯН, Р.М. БАРТИКЯН,
Г.Г. ТАМРАЗЯН, К.Н. ЮЗБАШЯН

Езник Кохбаци

Е 429 Опровержение лжеучений (Речи против ересей). Перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарий С. С. Аревшатына. — Ер., Наири, 2008, 232 стр.

Езник Кохбаци (380-450гг.) — выдающийся представитель “Золото-го века” древнеармянской литературы. “Опровержение лжеучений” написано им в 440-х годах в защиту христианского вероучения против языческих представлений древнего мира и религиозной системы зороастризма (маздаизма) — государственной религии Сасанидской Персии, принуждавшей армян к вероотступничеству. Как уникальный памятник древнеармянской философии и литературы, труд Езника входит в сокровищницу раннехристианской письменности наряду с произведениями Иренея, Ефрема Сирина, Василия Кесарийского и других представителей христианской апологетики и патристики.

ББК 63.3 (2Ар)

ISBN 978-5-550-01538-4

© ЗАО “Издательство “Наири”, 2008

ЕЗНИК КОХБАЦИ И ЕГО «ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЛЖЕУЧЕНИЙ»

Выдающийся представитель христианской апологетики, философ и переводчик Езник Кохбаци (ок.380-450 гг.) занимает особое место в истории древнеармянской литературы. Ученик и сподвижник каголикоса Саака Паргэва (357-439 гг.) и создателя армянского алфавита Месропа Маштоца (361-440 гг.) вместе со своими учителями и другими деятелями «школы переводчиков» (Овсеп Пахнаци, Иован Екехецаци, Корюн и др.) Езник обогатил духовную жизнь Армении целым рядом классических переводов произведений мировой литературы. Среди них центральное место занимает древнеармянский перевод Библии — «царица переводов». После нескольких лет пребывания и интенсивной работы в духовных центрах Месопотамии и Византии, вернувшись на родину после Эфесского собора 431 года, Езник привез греческий манускрипт Семидесяти толковников («Септуагинта»), с которого вместе с Сааком Паргэвом и соучениками был сделан второй, окончательный перевод Библии.

К 440-ым годам, наряду с переводами армянская литература уже располагала и самостоятельными произведениями — «Многовещательными речами» и «Учением Григора Лусаворича», написанными его учителем Месропом Маштоцем¹. Согласно духу победившего христианства вполне закономерно армянская философская мысль должна была начаться с патристики, с трудов, насыщенных философско-теологическими воззрениями отцов церкви, какими и стали произведения Маштоца и его последователя Езника Кохбаци.

Следуя примеру своего учителя, уже в раскаленной обстановке 40-х годов V века Езник создал свой главный труд — «Опровержение лжеучений» в защиту основ христианского вероучения. Труд этот сыграл важную роль в борьбе армян против зороастризма (маздаизма) — древ-

¹ О литературном творчестве Маштоца см. **Б. Саргисян**, Агапангелос и его многовековая тайна. Венеция, 1890 (на арм.яз.). **Н.Я. Марр**, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием. «Записки Восточ. Отд. Имп. Русск. Археологического общества», т. XVI, СПб, 1905. **М. Абегян**, История древнеармянской литературы, Ер., 1975. **С. Аревшатын**, Формирование философской науки в древней Армении, Ер. 1973, стр. 44-52.

него верования, ставшего государственной религией Сасанидов, упорно принуждавших армян к вероотступничеству. Сочинение Езника по праву входит в сокровищницу древней литературы наряду с произведениями Иренея Лионского, Ефрема Сирина, Василия Кесарийского и других блестящих представителей христианской апологетики и пагристики.

Судя по сохранившемуся письменному наследию, можно полагать, что Езник после смерти своего учителя (440 г.), на протяжении целого десятилетия был первым лицом на идеологическом поприще. Опираясь на труды Маштоца и уже довольно богатою переводную литературу, Езник в течение 40-х годов V века создал, по всей вероятности, не один труд философско-богословского содержания. Из них сохранилось и дошло до наших дней лишь одно произведение — «Опровержение лжеучений» или «Опровержение ересей» («Եղծ լիճարդս») — важнейший источник армянской философской мысли первой половины V века.

Езнику, по всей видимости, принадлежал и другой труд аналогичного содержания — «О различении всевозможных ересей» («Յիշխիլսի ընդ լիճարդսի հրճուիծոց»), если только это не был второй список или иная редакция «Եղծ լիճարդս»а. Об этом трудно судить, так как единственная рукопись этого сочинения погибла во время кораблекрушения при транспортировке манускриптов из Индии в Венецию¹. Есть все основания полагать, что Езнику принадлежит также «Ответ персам», официально направленный в 449 году Арташатским собором в ответ на эдикт Михрнерсеха, требовавший от имени персидского двора и царя Исзидгерда II отказа от христианства и принятия маздаизма. Ответ этот отдельно не сохранился, но приводится в «Истории» Егише, по-видимому, целиком. Езнику приписываются также краткие «Назидания», опубликованные в конце «Опровержения ересей»².

Основной его труд, по всей вероятности, написан в конце 40-ых годов V века. Он явился продолжением начатой Маштоцем идейной борьбы против враждебных религиозно-философских учений. Он посвятил им две из четырех книг своего сочинения. Но если к ним прибавить еще одну часть, целиком посвященную опровержению маздаизма как разновидности язычества, непосредственно угрожавшей христианству в Ар-

¹ См. Վ. Արմենյանի, Հին և նոր լիճարդ Երզնկայի փրկարարական գործունեությունը, 1893, էջ 168.

² См. Езник Кохбаци, Опровержение лжеучений. Тифлис, 1914, стр. 209-219 (на древнеарм. яз.), в дальнейшем «Опровержение».

мени, то станет ясной основная цель труда Езника — философское оправдание христианского монотеизма и опровержение маздаистского дуализма на основе *общей критики язычества*. Но это философско-теоретическая сторона вопроса. Не менее важное значение имела национально-политическая направленность труда Езника. Говоря об этой стороне сочинения Езника, необходимо особо подчеркнуть, что оно как бы явилось идеологическим обоснованием борьбы армян против персидского владычества, против политического засилья и религиозных домогательств персов, упорной борьбы, которая в 450-451 годах вылилась в героическое общенародное восстание армян под руководством спартагета Вардана Мамиконяна.

К восставшим армянским войскам примкнули крестьяне и духовенство, к ним присоединились также грузины и албаны, как единоверцы, в профессиональном отношении имевшие единого духовного главу в лице армянского католикоса и вносившие посильную лепту в борьбу против общего врага — государства Сасанидов. В этой кровопролитной войне армяне вместе со своими союзниками хотя и потерпели поражение от численно превосходивших персидских войск, однако восстание вылилось в свою основную задачу — натолкнувшись на ожесточенное сопротивление армян, которые, несмотря на поражение и большие жертвы, не склонили головы, персы вынуждены были вскоре прекратить религиозные гонения и отказаться от введения маздаизма в Армении и других странах Южного Кавказа. Моральная победа была одержана восставшими, а впоследствии персам пришлось восстановить привилегии армянских князей и церкви и вернуть из плена оставшихся в живых участников восстания. Разумеется, здесь немалую роль сыграло и стремление персов задобрить армян, дабы они не стали опорой Византии, с которой Персия находилась в постоянном соперничестве за господство в Армении. Борьба армян против политического господства и идеологической экспансии персов носила религиозную окраску, а восстание 451 года приобрело характер религиозной войны. И это вполне понятно, ибо в средние века политические и национальные интересы враждующих сторон очень часто облекались в религиозную форму и находили свое выражение в виде столкновений различных религий, что, в свою очередь, являлось доказательством той важной роли, которую играли религия и церковь в жизни феодального общества.

«Опровержение ересей» Езника, как один из древнейших памятников армянской философской мысли, вобрало в себя наиболее характерные

черты идеологической жизни Армении первой половины и середины V века. Другой его важной особенностью явилось то, что, кроме Армении, оно отразило также идеологическую атмосферу Ближнего и отчасти Среднего Востока. Как мы уже отмечали, оно направлено своим острием, в первую очередь, против религиозно-философского учения персидских магов и язычества вообще. Однако Езник не оставил вне поля зрения и другие, возникшие уже в лоне христианства, но враждебные, еретические с точки зрения церкви учения, такие, как ересь Маркиона и мессалиянство, распространившиеся в Армении еще при жизни Маштоца, и подверг их резкой критике наряду с философскими концепциями древних греков — эпикурейцев, стоиков, пифагорейцев и даже платоников и перипатетиков, которые несомненно были с основными положениями христианского учения.

В своем труде Езник использует целый ряд источников, подкрепляющих его концепцию и служащих основной цели — опровержению враждебных учений и философскому обоснованию христианства. В этом отношении весьма характерен подбор использованных им первоисточников. Все они являются продукцией представителей патристики, начиная со II века вплоть до его старших современников, церковных авторов первой половины V века. Исследователи, занимавшиеся историко-филологическим анализом труда Езника, установили более десятка таких источников, вошедших в краткой форме или отдельными частями в сочинение Езника¹. Вот они:

1. Мефодий Олимпийский, или Патарский (ум. в 312 г.), «О самовласти (или свободе воли)» (Մերի տօ՛ւ աւեջօ՛ւստօւ); использован почти целиком, кроме I и II глав².
2. Аристид Афинский (II в.), «Апология» (Απολογία).
3. Елифангий Кипрский, или Саламинский (315-405 гг.), «Против ересей».

¹ Наиболее интересными филолого-текстологическими исследованиями, посвященными труду Езника, являются: Г. Галемкеарян, Новейшие источники книги Езника Кохбаци «Против ересей», Вена, 1919 (на арм.яз.) и Л. Мариэ, Le De Deo d'Eznik de Kolb connu sous le nom de "Contre les sectes", Paris, 1924, а также его последнее издание книги Езника вместе с французским переводом в серии Patrologia Orientalis, tome XXVIII, Paris, 1959.

² См. Г. Галемкеарян, ук. соч., стр. 80 и 87.

4. Василий Кесарийский, или Великий (330-379 гг.), «Беседы на Шестолднев».

5. Ипполит (170-236 г.), «Против всех ересей».

6. Феодор Мопсуестский (IV-V вв.), «Против учения персидских магов».

7. Адамантий (III в.).

8. Ориген (185-253 г.).

9. Диодор из Гарса (IV в.).

10. Ефрем Сирин (306-373 гг.).

11. Иреней Лионский (130-202 гг.).

12. Кирилл Александрийский (ум. в 444 г.). «Толкование Бытия».

Кроме того, Езник использовал в своем труде два сочинения своего учителя Месропа Маштоца «Многовещательные речи»¹ и «Вопрошения»².

Все вышеуказанные произведения пронизаны одной общей идейной направленностью. С позиций патристики в них опровергаются как языческие верования, так и различные христианские еретические учения. Именно этим принципом руководствовался Езник при подборе источников для своего труда, а также для перевода большей их части на армянский язык.

Если в трудах Маштоца прослеживается влияние лишь двух авторов из вышеприведенного перечня, а именно — Аристида и Феодора Мопсуестского, то Езник, кроме целого ряда иноязычных памятников, опирается также на своего армянского предшественника — основоположника армянской патристики Месропа Маштоца. Это, разумеется, давало Езнику большие преимущества перед его учителем. Не отклоняясь от основной проблематики патристической философии, по существу, продолжая линию Маштоца, Езник углубляет в ней философскую сторону. В отличие от своего учителя он не ограничивается отрицанием идейно враждебных учений и провозглашением основных положений христианской философии, а дает основательную критику неприемлемых теорий с изложением их основного содержания, и лишь после этого развертывает свою концепцию.

¹ См. М. Абеги, История древней армянской литературы, глава о Езнике.

² См. Л. Хачикян, Приписываемое Григору Паргэву «Вопрошение», «Вестник Матенадарана», том 7, 1964, стр. 315-328.

У Езника впервые в армянской литературе выступает на арену философская спекуляция в ее христианском одеянии, используются средства формальной логики для опровержения противников и делаются попытки выработать философскую терминологию, чего в произведениях Маштоца еще не наблюдается. Цель Езника — философски вооружить своих соотечественников и единоверцев против язычества и ересей, теоретически обосновать исходные положения христианского вероучения и философски осмыслить его основные догматы. Эти задачи были выполнены им мастерски, с большой эрудицией и убедительностью.

Не без основания исследователи относят его труд к числу уникальных памятников мировой патристической литературы. Видный знаток древней теологии и патристики, немецкий арменовед П. Феттер говорит, что «благодаря прямоте Езника и его своеобразному передовому натурализму, с одной стороны, а также силе мысли и умозрению — с другой, его книга поднимается перед нами как исключительное явление в патристической литературе. Это первый опыт идейного противоборства талантливейшего народа, пробудившегося от язычества к христианскому мышлению, поднявшегося против языческого мирозерцания, против его главных положений и основных идей¹. Эту оценку следует принять с одной лишь оговоркой, а именно — труд Езника не первый опыт идейного противостояния языческому мировоззрению; такую попытку до Езника совершил Маштоц, об этом говорит и сам П. Феттер², разница лишь в философской глубине и в большем стремлении к теоретической постановке разбираемых проблем. Езник — идейный приверженец и продолжатель того направления христианской философии, которому в Армении впервые открыл дорогу Маштоц, противопоставив ее языческому мирозерцанию в целом и теософии персов в особенности.

Высокую оценку труду Езника дает и другой видный исследователь патристической литературы, французский арменовед Луи Мариэс. Он пишет, что труд Езника «не только остается одним из сокровищ армянской литературы, но и благодаря глубине мысли, актуализированному в нем знанию и блестящему стилю он может занять почетное место в

¹ P. Vetter, Eznik, в книге Nirschl, Patrologie III, Mainz, §§ 243-244, pp. 231-239. Имеется арм. перевод, см. П. Феттер, Арменоведческие исследования, пер. А. Дашьяна, Вена, 1895, стр. 87.

² См. там же, стр. 71 и 75.

интеллектуальной продукции патристики классического периода¹. Называя Езника «писателем, обладающим чутьем философа и убежденностью теолога-интеллектуалиста», Л. Мариэс далее заключает: «Простота и цельность конструкции этого небольшого произведения ставят его в число важнейших трудов апологетической литературы данного периода, как греческой, так и армянской²».

Действительно, «Опровержение лжеучений» Езника благодаря широкому охвату проблем, глубине анализа враждебных учений и защите основ христианского вероучения с позиций философии мыслящего богослова дает полное основание отнести его труд к выдающимся памятникам патристической литературы и апологетики в международном масштабе. А благодаря обилию использованных в нем источников, часть которых не сохранилась в оригиналах, труд этот дает возможность осветить различные стороны философской мысли и религиозных течений всего христианского Востока того времени.

Труд Езника, соответственно затрагиваемым в нем проблемам, состоит из четырех частей, которые условно озаглавлены издателями:

- а) Против лжеучений язычников;
- б) Против маздаизма — учения персидских магов;
- в) Против греческих философов;
- г) Против ереси Маркиона³.

Указанные четыре части с первого взгляда, судя по затрагиваемой тематике, как будто далеки друг от друга и искусственно объединены в одно произведение. Однако, на самом деле, труд Езника проникнут единой идеей обоснования ортодоксального христианского монотеизма; он написан по единому плану автором, цель которого — апология хрис-

¹ См. его предисловие к последнему изданию текста и французского перевода труда Езника — De Deo. Patrologia Orientalis, t. XXVIII, а также его De Deo d'Eznik de Kolb, par Louts Mantes, Paris, 1924, p. 9.

² Там же, стр. 196.

³ Следует отметить, что Л. Мариэс, в отличие от всех издателей, предлагает иное подразделение текста. Весь труд он разбивает на две части. Первая включает три первые из вышеуказанных частей, в которых дается опровержение внешних (нехристианских) учений, а вторая часть — опровержение ереси Маркиона. Каждую часть Л. Мариэс подразделяет на множество глав и параграфов, причем все они получают соответствующие заглавия. Сам древнеармянский текст, дошедший до нас в единственной рукописи, никаких подразделений и заглавий не имеет.

тианской веры и философское обоснование ее основных догматов. В ходе изложения меняются оппоненты, подчас далекие друг от друга по своим исходным идейным позициям и социальной принадлежности, но их объединяют расхождение с философией христианства и общая критическая установка автора – выявление принципиальной несостоятельности воззрений противников и утверждение, доказательство своей правоты. Автор не смущает пестроту и разнородность его идейных врагов. Среди них находятся язычники и христиане, монасты и дуалисты, материалисты и идеалисты.

Езник выдвигает против них свой критический метод, который сам же четко формулирует следующим образом: «Дело Божьей церкви опровергать внешних (врагов) доводами истины без помощи Писания, а внутренних (врагов) – мнимых и заблудших (христиан) – обличать с помощью Священного Писания»¹. Правда, Езник стремится проводить этот принцип на протяжении всей своей книги, однако иногда отступает от него, применяя логические доводы для опровержения еретических положений, и ссылки на Библию – при опровержении языческих философских и религиозных учений.

Как представитель патристики и апологет христианской церкви Езник во главу угла, подобно своему учителю Маштоцу, ставит онтологическую проблему в ее теологическом аспекте. Она красной нитью проходит через все его сочинение и, независимо от различий в воззрениях опровергаемых противников, будь это языческие философы или христиане-еретики, получает одинаковое решение.

Бог, с точки зрения Езника, есть единственная субстанция, несовершенная и творящая сущность, создавшая весь мир, материю и живые существа². Уже в самом начале своей книги, провозглашая исходное положение патристической онтологии, Езник выдвигает на первый план присущие ей супранатурализм и креационизм. «Сущность Всевышнего вечна и безначальна, и Его бытие ни от кого не зависит. Никто не находится выше Него, как его причина, от которой Он получил бы начало Своего бытия, ибо нет никого, кто был бы раньше Него, и никого – подобного Ему после Него, и ни одного сподвижника, равного Ему – никакого противоположного бытия и никакой сущности, которую Он использовал бы как сырье для нужд Своих, и никакого вещества, из коего Он создал бы то, что должен был бы создать, ибо Он сам есть

¹ «Опровержение», стр. 78 (на древнеарм. яз., тифлисское изд. 1914 г.).

² См. там же, стр. 6.

причина всего»¹. Таким образом, Бог, согласно Езнику, есть единственная субстанция. Она сверхъестественна, и ее важнейшим атрибутом является творящая сила. Она создает весь мир, причем создает из ничего, творя при этом и то сырье, материи и духовное начало, из которых по Его воле возникают материальный мир с его вещами-сущими и живые твари – как разумные, так и неразумные. Эта единственная и высшая божественная субстанция заключает в себе идею всего мироздания и его сущность, которая благодаря «благодати» и «бесконечной доброте» проявляется в ее творящей силе.

Как человек может узнать о существовании этой субстанции? Ответ на этот вопрос один. Следуя основоположнику армянской патристики Маштоцу, Езник приходит к идее откровения: божественную сущность невозможно познать разумом, ибо она по своей природе, но не вследствие ограниченности человеческого рассудка, недоступна ему: «Поскольку единая (божественная) сущность непознаваема, и природа ее непостижима, постольку и причину невозможности приблизиться к ее изучению следует усматривать в ее непознаваемости, а знание этой сущности достигается не исследованием, а верой»². Разумеется, Езник, будучи представителем патристической философии, не может признать познаваемость Бога и выдвигает веру как средство его постижения, но в этом виноват не разум человека, а природа божественной сущности, которая, в принципе, недоступна разумному исследованию.

Данное положение не дает основания отнести Езника к числу фидеистов, так как он не принижает разум в угоду вере, наоборот, и здесь, и во многих других местах он отводит от себя подобное обвинение, превознося разум человека как надежное средство познания. Однако он отказывает познанию в праве проникать в трансцендентный мир и занимается изучением божественной сущности, ибо это, по его логике, может принизить Бога и уравнивать его с его же творениями, с природой. Кроме того, Езнику необходимо показать свое отношение к гностикам, показать беспочвенность и вредность их стремления познать Бога на личными возможностями человеческого разума. В дальнейшем он особо останавливается на критике гностицизма (учение Валентина, ересь Маркиона), отвергает гностицизм как несостоятельное направление. А здесь, в самом начале своего труда, провозглашает исходную установку патристики, утверждающую сверхъестественность божественной суб-

¹ Там же.

² Там же, стр. 5-6.

станции и веру в нее как единственное средство получения знания о ней. Разум дан человеку Богом для познания всего сотворенного, но для знания самого творца действительна лишь вера. Каждый верующий может знать о Боге столько, сколько откроется ему сам Бог, ибо только он может сотворенного им же человека «приблизить к знанию своей несотворенной сущности и привести к постижению его творений, соответственно природе каждого из них»¹. Таким образом, Езник не ставит никаких ограничений в познании природы, но для узнавания Бога считает действительной лишь веру.

Идея откровения выдвигается Езником для борьбы с языческими и еретическими учениями о Боге, так как они искажают положения христианского монотеизма, но не для того, чтобы заменить им познание и низвести разум до вредного и дьявольского порождения, как это делали фидеисты и фанатичные ортодоксы. Именно это имел в виду один из видных исследователей труда Езника, немецкий арменовед Гельцер, говоря, что «Езник повествует более как античный армянин, чем как христианский епископ»². И действительно, дальнейший ход критической мысли Езника и его спор с различными идейными противниками, основанный на разумных доводах и логической аргументации с привлечением большого философского материала, подтверждают правильность этой оценки.

Христианскую концепцию божества, учение о единой божественной субстанции Езник противопоставляет различным политеистическим и пантеистическим учениям древности, причем делает это с философски-теоретическим обоснованием и непримиримой страстностью, свойственной представителям классического периода патристики и апологетики. Именно эти черты, ставящие его в один ряд с наиболее яркими представителями патристики эпохи раннего христианства, дают право характеризовать его как «более античного армянина, чем христианского епископа», так как он не замыкается в узких рамках церковного учения и в спорах с античными мыслителями пользуется их же философским оружием, которое вскоре стало недоступным для церковных учителей.

Творящая сила вечной и сверхъестественной божественной субстанции, согласно Езнику, является причиной возникновения мира. Эта субстанция духовна, она лишена материальности и невидима, тогда как

¹ Там же, стр. 6.

² Gelzer H., Eznik und die Entwicklung der Persischen Religionssystem, "Zeitschrift für armenische Philologie", Marburg, 1902, s. 151.

мир, в отличие от своего творца, материален, телесен. Для сотворения мира Бог из небытия вызвал к бытию четыре стихии, четыре первоэлемента — землю, воду, воздух и огонь, а затем из них образовал все мироздание — «верхнее небо и всё то, что находится в нем, и видимое небо, образованное из воды, и землю, и все то, что создано из нее и находится в ней»¹. Создавая материю, Бог придал четырем первоэлементам их основные качества: земле — холод, огню — теплоту, воде — влажность и воздуху — сухость. Образованный из них весь видимый материальный мир находится в движении и изменении, тогда как его творец — неизменен, неподвижен и вечен.

Материя, согласно Езнику, не является субстанцией, она есть креатура, творение Бога, и поэтому, как нечто сотворенное, изменяющееся и не вечное, она не может быть объектом поклонения, «как, например, солнце, луна, звезды, огонь, вода и земля, которые почитаются магами и язычниками»². Поклоняться следует вечному и неизменному началу, создавшему все сущее, а не созданиям — вот исходное положение критики Езником языческой религии. Онтологическую проблему он поднимает задачам этой критики и шаг за шагом с монистических позиций развенчивает языческий плюрализм и политеизм. Во-первых, согласно Езнику, существует один-единственный творец всего сущего — это Бог, и поэтому поклоняться следует Ему, во-вторых, материальные сущие, стихии сами созданы и творцами быть не могут, так как они не субстанциальны, и поэтому, как таковые подвержены изменению и тлению, а отсюда следует, что бессмысленно почитать за богов то, что создано и поставлено на свое определенное место для служения человеку³. Уподобляя мир колеснице, запряженной четверкой разных и враждующих коней — стихий, Езник утверждает, что их движение направляется Богом, той «таинственной силой, которая, подобно вознице, покоряет и держит эти четыре противоположности в мире и согласии»⁴. Таким образом, согласно Езнику, материя создана Богом, и как таковая она не может быть субстанцией, так как не обладает самобытным, самостоятельным существованием. Разумеется, вследствие этого она не вечна и не обладает творящей силой — этими основными атрибутами субстанции. А это, в свою очередь, доказывает несостоятельность языческих

¹ «Опровержение», стр. 6.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 13.

учений, которые приписывают разным видам материи (элементам) и отдельным телам (солнце, луна, планеты) божественную природу и обращают в предмет поклонения.

Отвергнув субстанциальность материи, Езник ставит перед собой задачу — дать философское определение материи и выделить те важнейшие ее особенности, которые отличают ее от нематериального. «Все, что ощущается или воспринимается нашими органами чувств или каким-нибудь образом воздействует на них, есть телесное, а все то, что не воспринимается органами чувств, есть бестелесное. Тонка стихия света, но поскольку она воспринимается глазом, она телесна. Тонка стихия огня, однако она телесна, поскольку своей теплотой действует на наше тело. Такова же и стихия воды, которая тоньше (материи) тяжелых вещей и плотнее, чем стихия легких вещей»¹.

Определение материи, даваемое Езником, свидетельствует о признании ее как реального сущего, о его стремлении к наивно-натуралистическим позициям дать дефиницию этой объективно существующей и независимой от человека реальности. Согласно этому определению, материя после своего возникновения как реальное телесное начало существует наряду с таким же бестелесным началом. Последнее, в отличие от вещественного, невидимо, оно непосредственно не воспринимается органами чувств², но воздействует на них через свои проявления. Так, бестелесны, плотны души людей, ангелов и демонов, которые среди других существ выделяются тем, что наделены разумом. Утвердив первичность божественной субстанции и вторичность материального мира как творения Бога, Езник в отдельности излагает и отвергает неприемлемые для него решения онтологической проблемы. Среди отвергнутых найдется Платон, Аристотель (вместе с перипатетиками), Пифагор, стоики, эпикурейцы. Последних он критикует за материализм: «они считают мир совершенно самодовлеющим»³, то есть признают за материей субстанциальное бытие, несотворенность и вечность. Он кратко передает содержание атомистического учения эпикурейцев, согласно которому «мир образовался из мельчайших пылинок, неделимых и цельных тел, посредством их произвольного соединения, и нет ни Бога, ни Его провидения, которые (создали и) направляли бы мир»⁴. Эпикурейцев Ез-

¹ Там же, стр. 68.

² Там же, стр. 67 и 68.

³ Там же, стр. 159.

⁴ Там же.

ник называет безбожниками и взамен обещанного опровержения «довами истины» приводит слова апостола, ничего не говорящие по существу. Это нарушение провозглашенного им метода — «внешних» (то есть языческих мыслителей) отвергать доводами истины — не случайно, ибо ему нечего сказать по существу вопроса, когда оппонент исходит из диаметрально противоположных позиций. Точно так же поступает Езник и со стойками и с последователями Демокрита. Первых он головно отвергает за их материалистический пантеизм, ибо они, «стоики, принимая лишь видимый мир, исследуют только материю, и все существующее называют телесным, а видимый мир называют Богом»¹. Он лишь заявляет, что их заблуждение заключается в том, что они не признали ту силу, «которая движет все видимое», и что Богом является эта движущая сила, а не то, что приводится в движение этой невидимой силой. Критики по существу и «доводов истины» нет ни здесь, ни в продолжении, когда он отвергает тех, кто признает, «что природа мира состоит из сущности огня»². Он попросту называет это «непристойной бессмысленностью, недостойной того, чтобы отвечать», «все они сочиняют сказки».

Иначе обстоит дело, когда Езник обращается к воззрениям «язычников»-идеалистов: Пифагора, Платона и перипатетиков. С одной стороны, он их хвалит за то, что они утверждают первичность духа, Бога, единое нематериальное начало, но критикует их за взгляды, расходящиеся с христианским монизмом и монотеизмом. Так, пифогорейцыпадают под огонь его критики из-за того, что, признавая некое единое как причину всего сущего, не признают провидения, исходящего из той же причины. Отвергает Езник и метемпсихоз, учение пифагорейцев о переселении душ из одних тел в другие, их мысль о том, что и в живых заключена частица божественной души, вследствие чего они отказываются от мясной пищи и т. д.

Более обстоятельно он останавливается на онтологии Платона как мыслителя, близкого в определенной мере к христианской форме идеализма, но и в этом случае платоновские воззрения подвергнутся критике, как не вполне совместимые с требованиями христианской философии. Согласно Езнику, Платон признает «Бога, материю и идею»³, причем «Бог является творцом не природы, а образов», то есть форм. Отсюда появился соблазн у последователей Платона говорить о том, что

¹ Там же, стр. 158.

² Там же, стр. 158-159.

³ Там же, стр. 156.

Бог «смог дать материи, которая была беспорядочна, только образ (форму, вид), но не так, чтобы как всеильный вызвать все сущее из небытия в бытие»¹. Если это положение будет принято, рассуждает Езник, то Бог уподобится ремесленнику или мастеру-художнику, которые не могут создать вещество, и для того, чтобы создать какое-либо изделие или произведение искусства, берут наличный материал и придают ему желаемую или задуманную форму. Получается, что Платон «приписывает Богу слабость, будто он вынужден был у другого выпрашивать материю»². В словах Езника сквозит обвинение в адрес Платона, что якобы он признает «совечное с Богом» существование мира, хотя и отмечает, что в других случаях Платон считает мир сотворенным и подверженным уничтожению.

Приписав Платону это противоречие, Езник критикует его следующим образом: если мир совечен Богу и существует как его тень, то «как тень вещи никогда не отходит от той же вещи, так и мир никогда не отделяется от Бога»³. А если это так, то мир не может разрушиться и погибнуть, ибо он как тень связан с Богом. Но, согласно Езнику, еретики ухватились за мысли Платона и дошли до того, что сочли и Бога подверженным отрицанию. Если же это невозможно, то и его тень существует вечно. Конечно, эти взгляды не имеют отношения к Платону, так как известно его учение о божественном логосе и сотворении мира как чего-то низшего и временного, откуда душа человека, как частица мировой божественной души, должна вырваться. Езник приписывает Платону дуалистическую концепцию и критикует его как дуалиста. На самом деле Платон развил монистическую концепцию объективного идеализма, и его меньше всего можно обвинять в том, в чем упрекает его Езник. Видимо, он имеет в виду некие сектантские учения, которые пользовались именем Платона, ибо это и не последователи неоплатонизма, которые, как известно, не только не ревизовали идеалистическое учение Платона, но и углубили его мистическую сторону, как, например, Плотин, Порфирий, Ямблих и др.

Критика Езника, направленная в адрес древнегреческих философов, преследует одну цель — отвергнуть всякие воззрения, в той или иной форме признающие или предположительно могущие признать субстанциальность материи, мира. «Нет никакого вещества-материи, которая

¹ Там же, стр. 156-157.

² Там же, стр. 164.

³ Там же.

была бы наряду с Богом»¹, — вот важный для Езника вывод, необходимый для критики тех форм современных ему религиозных и философских учений, которые в основе своей имеют либо дуалистическую концепцию, либо недвусмысленно материалистическое содержание. С материалистами (Эпикур, Демокрит, стоики) Езник не вступает в дискуссии, он их отвергает с порога как «безбожников», не приводя при этом обещанных «доводов истины». Но опровержению «языческого» дуализма и политеизма он, действительно, уделяет значительное место, и неспроста. Ведь реальную опасность в Армении V века представляли не учения стоиков, эпикурейцев, а тем более платоников и пифагорейцев, хотя и распространенность этих учений в Армении того периода вряд ли можно игнорировать, а философия дуалистической религии маздаизма, как и ересь манихейская и маркионитская, во всей своей враждебной идеологической и политической актуальности.

Отвергая субстанциальность материи, Езник преследует определенную цель. Во-первых, он утверждает с позиций объективного идеализма единую божественную субстанцию. Во-вторых, и это — одна из важнейших задач его трактата, отрицание философского дуализма, непризнание субстанциальности материи или ее совечности Богу является основой для опровержения всякого религиозного дуализма. Проследим за ходом его мыслей.

Если допустить субстанциальность материи, рассуждает Езник, то окажется, что Бог при сотворении мира брал уже имеющуюся, но «бескачественную и бесформенную материю». Если признать это, то не получится подлинного акта творения, как того требует христианское учение. Провозглашая совечное Богу существование материи (coexistentia), языческие мыслители говорят, что Бог, придавая ей качество и форму, создал все сущее, а все ненужное, «осадок, непригодный для творения, оставил. И от этого осадка (рождается) зло людям»². Но с этим, разумеется, Езник в корне не согласен. Материя не может быть источником зла, так как она сама сотворена Богом, а все сотворенное создано как доброе. Нельзя, по Езнику, единую материю делить надвое и говорить, что из одной части Бог создал то, что должен был создать, а другую часть — «осадок» оставил как негодную, и что из нее и возникло зло в мире. Корень заблуждений «врагов истины» заключается в том, что они признают две субстанции — Бога и материю, и соответственно этому

¹ Там же, стр. 164.

² Там же, стр. 16. См. также стр. 22-23.

выводят два субстанциальных начала — добро и зло, отождествляя добро с Богом и зло с материей. Но подобная концепция, согласно Езнику, несостоятельна, ибо имеется лишь одна субстанция — Бог, а материя и идентифицируемое с нею зло не субстанциальны. Таким образом, зло не извечно, оно и не создано Богом, как другие сущие. Ведь даже сторонники концепции «материя есть источник зла» признают, что Бог есть добро начало и творец добрых созданий. Однако это не меняет положения, ибо, согласно Езнику, признание наряду с божественной доброй субстанцией существования и злой субстанции — материи говорит о слабости Бога, который не смог пресечь зло и позволил ему существовать вместе с добром. А это недопустимо с точки зрения христианского философа.

Отвергнув дуалистические положения древнегреческих мыслителей, Езник свою критику в их адрес превращает в теоретическую базу для опровержения дуализма персидской религии, халдейской астрологии, манихейства и маркионистской ереси. Опровержение этих учений занимает более половины сочинения Езника. Следует отметить, что у Езника онтологическая проблема в ее теологическом, свойственном патристике аспекте тесно смыкается с морально-психологической проблемой, а именно с вопросами о свободе воли, о Боге и человеке как субъектов воли. И действительно, посвящая целые разделы опровержению персидской религии, маркионистской ереси, языческой философии, Езник решает вопрос о субстанции связывает с проблемой возникновения зла, с решением вопроса о соотношении зла и добра и их природы. Эти проблемы для него как бы являются двумя сторонами одного и того же вопроса.

Для того чтобы доказать несостоятельность персидской религии, Езник рассматривает ее основное дуалистическое положение и опровергает с позиций христианского монизма. Маздаизм утверждает, что мир создан двумя сыновьями Зрвана — Ормиздом и Ахриманом. Ормизд — создатель всего прекрасного и добрых существ, Ахриман — творец зла, порока и страданий. Езник задает вопрос: как от одного отца, который сам был воплощением добра, мог родиться Ахриман? Ведь добро не может родить зло. А если оно родилось, то почему отец не пресек его, неужели он не в силах был сделать это? И, наконец, почему Зрван сам не сотворил мир соответственно своей доброй сущности, а должен был принести тысячелетние жертвы, чтобы у него родился сын Ормизд, но вследствие сомнения вместе с ним родился и злой Ахриман? По мнению

Езника, персидская религия не выдерживает критики, ибо она содержит в себе неразрешимые противоречия, в ней отсутствует элементарная логика. Люди избрели эту религию по подобию своих же нравов, писали выдуманым ими богам свои качества и начали поклоняться своим же выдумкам, как и все язычники. Езник вскрывает внутреннюю противоречивость и наивность персидской религии. Критика маздаизма перерастает во всеобщую критику язычества. Езник полутно развенчивает и халдейскую астрологию, приписывающую светилам творящее начало и способность определять судьбы людей, показывает несостоятельность языческих верований, обожающих животных, деревья, родники и различные рукотворные предметы. Одним словом, отвергает за язычеством, в том числе и за маздаизмом всякое право на какое-либо подобие истины, так как они основаны на ложной идее. Все то, что не обладает самодовлеющей сущностью и создано, не может быть творцом, и поэтому в них не может быть ничего божественного. Эти религии построены на лжи, все они — плод глубокого заблуждения людей, сочинивших басни и сказки, поверивших в них и начавших поклоняться выдуманным богам и явлениям ими же обожаемой природы.

Критика языческой религии и ее философии ведется Езником с позиций мыслителя-рационалиста, который, несмотря на преследуемые им христианско-апологетические цели, имеет большое историко-познавательное значение с точки зрения исследования истории науки. У Езника критика язычества своим острием направлена против суеверий, против магии и волшебства, против астрологии и отсталых, наивных попыток объяснения мира. Правда, Езник взамен выдвигает христианское представление о мироздании и излагает принятое церковными отцами понимание проблем субстанции, происхождения мира, соотношения Бога и природы. Однако это другая сторона вопроса. Для своего времени оно было, несомненно, более высоким по уровню философского осмысления мира, чем отжившие свой век примитивные языческие представления и суеверия.

Езник не упускает из виду также армянские языческие верования, сохранившиеся в народе и после принятия христианства. В этом отношении он также идет по стопам своего учителя Маштоца и, используя его «Вопрошения», дает развернутую критику остатков армянской языческой религии.

Страницы, посвященные развенчанию язычества, а их довольно много у Езника, являются блестящими образцами критики суеверий, ас-

